

Раздел 2. Проблемы рецепции и интерпретации
в мировой литературе и культуре

УДК 821.161.1-32

doi 10.17072/2304-909X-2024-19-59-65

**ПЕЙЗАЖ И МИФ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ:
РАЗЛИЧИЕ ТВОРЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ
М. ГОРЬКОГО И И. А. БУНИНА**

Никита Андреевич Андреев

аспирант кафедры отечественной филологии
и русского языка как иностранного

Российский государственный гидрометеорологический университет
192007, Россия, Санкт-Петербург, Воронежская ул., 79
nikitahaos@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

В статье исследуется различие творческих взглядов двух представителей русской литературы конца XIX – первой половины XX вв. – Максима Горького и Ивана Бунина – на примере анализа пейзажных описаний и мифопоэтики, подхода к рассмотрению понятий «жизнь» и «смерть» в рассказах «Часовня» и «Старуха Изергиль». В ходе анализа обозначаются ключевые различия изображения Буниным и Горьким жизни и смерти, дается характеристика пейзажных описаний, обозначаются сходства и различия мифологического пласта творчества. Делается вывод о том, что пейзаж в обоих произведениях способен мотивировать сюжетные повороты, заключает в себе мифопоэтический компонент, по-разному раскрывающий феномен жизни и смерти.

Ключевые слова: Старуха Изергиль, Часовня, мифопоэтика, миф, пейзаж, жизнь, смерть, рассказ.

В последние годы в научной среде активизируется интерес к работам таких русских писателей как М. Горький и И. А. Бунин, в частности, активно исследуется их мифопоэтическая картина мира, однако феномен мифопоэтического наполнения творчества данных писателей, выраженного через пейзажные детали, никогда не был рассмотрен в сравнении.

Пейзаж в русской литературе – крайне разнообразное по функциям явление. Пейзаж способен детально раскрыть особенности национальной специфики, отобразить наиболее характерные черты

мифопоэтики и подчеркнуть своеобразие мировидения автора [Бородина 2021].

«Часовня» (1944) – одно из наиболее выделяющихся особенностями воплощения пейзажа произведений И. А. Бунина. Фактически, в данном рассказе пейзаж уравнивается с персонажами и их действиями по значимости роли, он сливается с ними в единое, нерушимое целое, служит сюжетообразующей основой.

Не менее выразительной представляется и пейзажная характеристика, данная М. Горьким в рассказе «Старуха Изергиль» (1894). Данный рассказ, относимый к течению неоромантизма, ярко демонстрирует пейзажные особенности, которые являются не только фоном сюжетного действия, но и его опорой. Художественная реальность произведения не допускает дистанцирования настоящего времени от мифа, миф в ней – и прошлое, и настоящее: Ларра, показываясь как физически явленная тень – пейзажная деталь – в начале рассказа, позже становится центральным героем сказки-легенды. Пейзаж в рассказе – такая же часть мифа, как и сказочный герой, и пейзажные описания полны мистики: «Луна взошла. Ее диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своем веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, стала такой жирной и щедрой» [Горький: эл. ресурс]. Миф, описываемый Горьким в «Старухе Изергиль», допускает очеловечивание, на первый взгляд, неживого: степь, словно живая, поглощает мясо и пьет кровь, тень от облака представляется героем фольклора. Вся художественная реальность произведения монолитна, в ее структуре нет выпадающих элементов, нарушающих порядок жизни мифа [Иванов 2018: эл. ресурс].

«Часовня» является одним из немногих в творчестве И. А. Бунина рассказов, в котором персонажи – дети, заглядывающие в склеп – образуют антитезу с пейзажем на семантическом уровне произведения. Персонажам не до конца понятен и оттого интересен окружающий мир, но они сами в системе образов произведения представляются частью мира. Текст рассказа наполнен противопоставлениями, и особенно ярко в нем выделяются семы «жизнь» и «смерть», «свет» и «тьма». Лето, описываемое в самом начале «Часовни», еще с древнейших времен, с самого зарождения славян как этноязыковой общности связывалось с жизнью [Желбакова 2015: эл. ресурс]. Лето – это солнце, свет, тепло, цветение, урожай, изобилие, то есть торжество жизни, подробно описанное А. Н. Афанасьевым в «Поэтических воззрениях славян на природу» [Афанасьев 1995: эл. ресурс].

Центральной в произведении является оппозиция «жизнь – смерть». Впрочем, в данном случае также возможно рассмотрение оппозиций произведения как явления контакта космоса с хаосом. Таким образом, идеальный пейзаж, описываемый в «Часовне», некий *locus amoenus* (восхитительное место), где человек существует в гармонии с цветущей природой, благодатной, умиротворенной, оказывается противопоставлен неизведанному, таинственному и темному – тому, что показывает «окно на уровне земли» [Бунин: эл. ресурс], окно в иной мир, полный вселенской пустоты, холодный и страшный, связанный со смертью, небытием: «Везде светло и жарко, а там темно и холодно», «мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках, а они всегда лежат там в темноте», «у нас тут солнце... а они всегда лежат там в темноте, как ночью» [там же]. Следственно, в произведении демонстрируется отсутствие дистанции между двумя совершенно разными понятиями культуры, и они, будучи изначально дистанцированными друг от друга, несолько переосмысливаются: описывается, насколько близкими друг к другу могут быть жизнь и смерть, и жизнь при этом воспринимается как циклическое явление частного в человечестве, безусловно имеющее начало и конец.

Смерть, описываемая Горьким в «Старухе Изергиль», представляет собой совершенно естественное завершение жизни, она не вызывает страха. В важности свершения смерти не может быть сомнений: «Вот его сын, а отца нет уже, когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них...» [Горький: эл. ресурс]. Смерть есть итог исполнения предназначения, признак достойной жизни, в то время как бессмертие – высшее наказание: Ларра, отвергнутый племенем, пришел в него через десятки лет с желанием быть убитым, но его не тронули, он пытался пронзить свое сердце ножом, но нож сломался, он бился головой об землю, но «земля отстранялась от него, углубляясь от ударов его головы» [там же]. Страшна только та смерть, что пришла незаслуженно: девушка, убитая Ларрой за отказ быть с ним, вызвала страх у людей племени, «впервые при них так убивали женщину» [там же]. Смерть всегда нуждается в мотивировке, она не имеет связи с пейзажной характеристикой.

Поскольку пейзажные описания составляют значительную часть обоих произведений, выявление функций, выполняемых пейзажем, также может быть продуктивным для сравнения творческих взглядов писателей. Идеино-художественная функция (влияние образа окружения на персонажей, не требующее смены пейзажных условий) в пейзаже «Часовни» раскрывается максимально ярко: именно пейзаж заставляет

детей интересоваться, что же там – в окошке, под землей, это важнейший сюжетобразующий элемент произведения [Воронин 2017: эл. ресурс]. Причем подобная граница в данном случае не просто демонстрирует контраст живого и мертвого (образ ребенка, как правило, обладает максимально яркой семантикой жизни ввиду удаленности от смерти в силу возраста) – приближение к ней обеспечивает как появление первой, еще детской и не до конца оформленной мысли о конечности жизни, так и встречу с явлением смерти вместе с непониманием и исключительным интересом. Функция сюжетной мотивировки в «Старухе Изергиль» проявляется следующим образом: смена пейзажных деталей мотивирует старуху вспоминать сюжеты сказок, Данко, благодаря смене окружающих условий жизни, принимает решение увести своих людей в новые безопасные места.

В «Старухе Изергиль» смерть является более знаменательной и показательной, чем вся жизнь, именно через смерть выявляется суть жизни персонажа. Смерть – определенный пуант, средоточие смыслов, и наиболее показательна героическая смерть Данко. Два вставных сюжета рассказа – сказки старухи – крайне характерны. В первой сказке смерть желанна, но недостижима, во второй же абсолютно необходима, но сам факт ее достижения едва ли желанен. Смерть – и исход, и итог, ее отсутствие – безысходность, полностью обесценивающая жизнь. Жизнь, однако, хороша не только в своей конечности, но и в любви: «Только красавцы могут хорошо петь, – красавцы, которые любят жить. Мы любим жить. Смотри-ка, разве не устали за день те, которые поют там? С восхода по закат работали, взошла луна, и уже – поют! Те, которые не умеют жить, легли бы спать. Те, которым жизнь мила, вот – поют» [Горький: эл. ресурс].

Феномен жизни, описываемый в «Часовне», не оценивается по смерти, как в «Старухе Изергиль», но укрепление осознания ценности жизни строится на антитезе живого и мертвого: «Все это очень интересно и удивительно: у нас тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках, а они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках» [Бунин: эл. ресурс]. Сама часовня символично обозначает границу между двумя мирами и является смысловым центром рассказа.

Жизнь и смерть в «Старухе Изергиль» линейны и неравноценны, в «Часовне» они ярко противопоставлены как отдельные явления, слитность их не так ярка, чтобы выстроить линейные отношения. Близость жизни и смерти в рассказе Бунина показана лишь опосредованно, через знакомство с природой любви: диалог детей о застрелившемся мужчине

подчеркивает двойственность любовного начала. Любовь может как продолжить род, рождая новую жизнь, так и убить, жизни лишая.

Чрезвычайно важная и характерная деталь пейзажных описаний «Часовни» и «Старухи Изергиль» заключена в различии авторских особенностей моделирования реальности художественного мира. Благодаря включению в «Часовню» образов хаоса и смерти пейзаж рассказа, несмотря на свое предельное жизнеподобие, наполняется мистикой, четко обозначается мифологический пласт. При этом он напрямую связывается с негативной семантикой. Ряд семантических оппозиций хаосу и смерти в рассказе позволяет провести четкую границу между прекрасным абсолютно посюсторонним бытием и темным потусторонним небытием. Все, что связано со смертью и небытием (непознанным) напрямую, становится видимым и осязаемым только через четкую границу – окно. Соответственно, хаос и смерть принадлежат другой, скрытой части художественного мира, они словно выпадают из реальности, так как не содержат в себе семантики космоса и жизни, они есть небытие. Художественный мир «Часовни», таким образом, разделяется на два полюса, среди которых один – потусторонний, мифологический, мистический – не может быть в полной мере явлен в силу собственного небытия, его можно лишь почувствовать в мире посюстороннем – в мире космоса и жизни: «И чем жарче и радостней печет солнце, тем холоднее дует из тьмы, из окна» [Бунин: эл. ресурс].

Пейзажные описания «Старухи Изергиль», напротив, показывают столь крепкую связь мифологического, сказочного начала с художественной действительностью, что проведение четкой границы между ними невозможно. Пейзаж «Старухи Изергиль» претворяет миф в жизнь, не разделяя фиктивное и действительное – художественный мир рассказа мифологичен, мистичен, но посюсторонен одновременно. Для «Часовни» же мистический пласт оказывается прямо связанным с небытием – он явлен лишь косвенно, через окно-портал реального мира, и оттого одновременно и далек, и близок. Дистанция мистического и реального в «Старухе Изергиль» стирается: вся художественная реальность становится мифом, а миф, в свою очередь, оживает, превращаясь в реальность.

Таким образом, творческие взгляды М. Горького и И. А. Бунина сближаются благодаря наличию в пейзажных описаниях рассказов мифопоэтического наполнения, однако различны взаимоотношения феноменов жизни и смерти, представление данных понятий реализуется посредством различных средств, существенно различается соотношение реальности и мифа.

Список литературы

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу // Электронная библиотека ИМЛИ РАН. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/folklor/Afanasev_A.N._Poeticheskie_vozzreniya_slavyan_na_prirodu._T._I._1995.pdf (дата обращения: 05.11.2024).

Бородина Н. А., Селеменова О. А., Трубицина Н. А. Мифопоэтическая картина мира Бунина-поэта: лингвистический и литературно-культурологический аспекты анализа // Научный диалог. 2021. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskaya-kartina-mira-bunina-poeta-lingvisticheskiy-i-literaturno-kulturologicheskiy-aspekty-analiza> (дата обращения: 07.11.2024).

Бунин И. А. Часовня // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1841/p.1/index.html> (дата обращения: 05.11.2024).

Воронин Р. А. Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.) URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/235/12589/> (дата обращения: 06.11.2024).

Горький М. Старуха Изергиль // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/486/p.1/index.h/index.html> (дата обращения: 06.11.2024).

Желбакова М. В. Лето в русской языковой картине мира // Инновационная наука. 2015. №10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leto-v-russkoj-yazykovoju-kartine-mira> (дата обращения: 19.11.2024).

Иванов Н. Н. Мифопоэтика в художественном сознании М. Горького // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-v-hudozhestvennom-soznanii-m-gorkogo> (дата обращения: 19.11.2024).

LANDSCAPE AND MYTH, LIFE AND DEATH: THE DIFFERENCE BETWEEN THE CREATIVE VIEWS OF M. GORKY AND I. A. BUNIN

Nikita A. Andreev

Postgraduate student of the Department of Russian Philology
and Russian as a Foreign Language

Russian State Hydrometeorological University

192007, Russia, Saint Petersburg, Voronezhskaya str., 79

nikitahaos@gmail.com

Submitted 08.11.2024

The article examines the difference in creative views of two representatives of Russian literature at the turn of the XIX and XX centuries – Maxim Gorky and Ivan Bunin, using the example of an analysis of landscape descriptions and mythopoetics, an approach to considering the concepts of «life» and «death» in the stories *Chapel* and *Old Woman Izergil*. The analysis identifies the key differences between Bunin and Gorky's depiction of life and death, characterizes landscape descriptions, and identifies similarities and differences in the mythological layer of creativity. It is concluded that the landscape in both works is able to motivate a change of plot, contains a mythopoetic component that reveals the phenomenon of life and death in different ways.

Key words: *Old Woman Izergil*, *Chapel*, mythopoetics, myth, landscape, life, death, short story.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Андреев Н. А. Пейзаж и миф, жизнь и смерть: различие творческих взглядов М. Горького и И. А. Бунина // Мировая литература в контексте культуры. 2024. № 19 (25). С. 59–65. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-59-65

Please cite this article in English as:

Andreev N. A. Pejzazh i mif, zhizn' i smert': razlichie tvorcheskih vzglyadov M. Gor'kogo i I. A. Bunina [Landscape and Myth, Life and Death: the Difference between the Creative Views of M. Gorky and I. A. Bunin] Mirovaya literatura v kontekste kultury [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 19 (25), pp. 59–65. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-59-65-